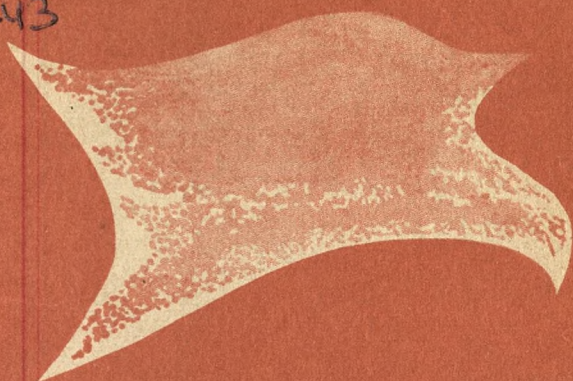

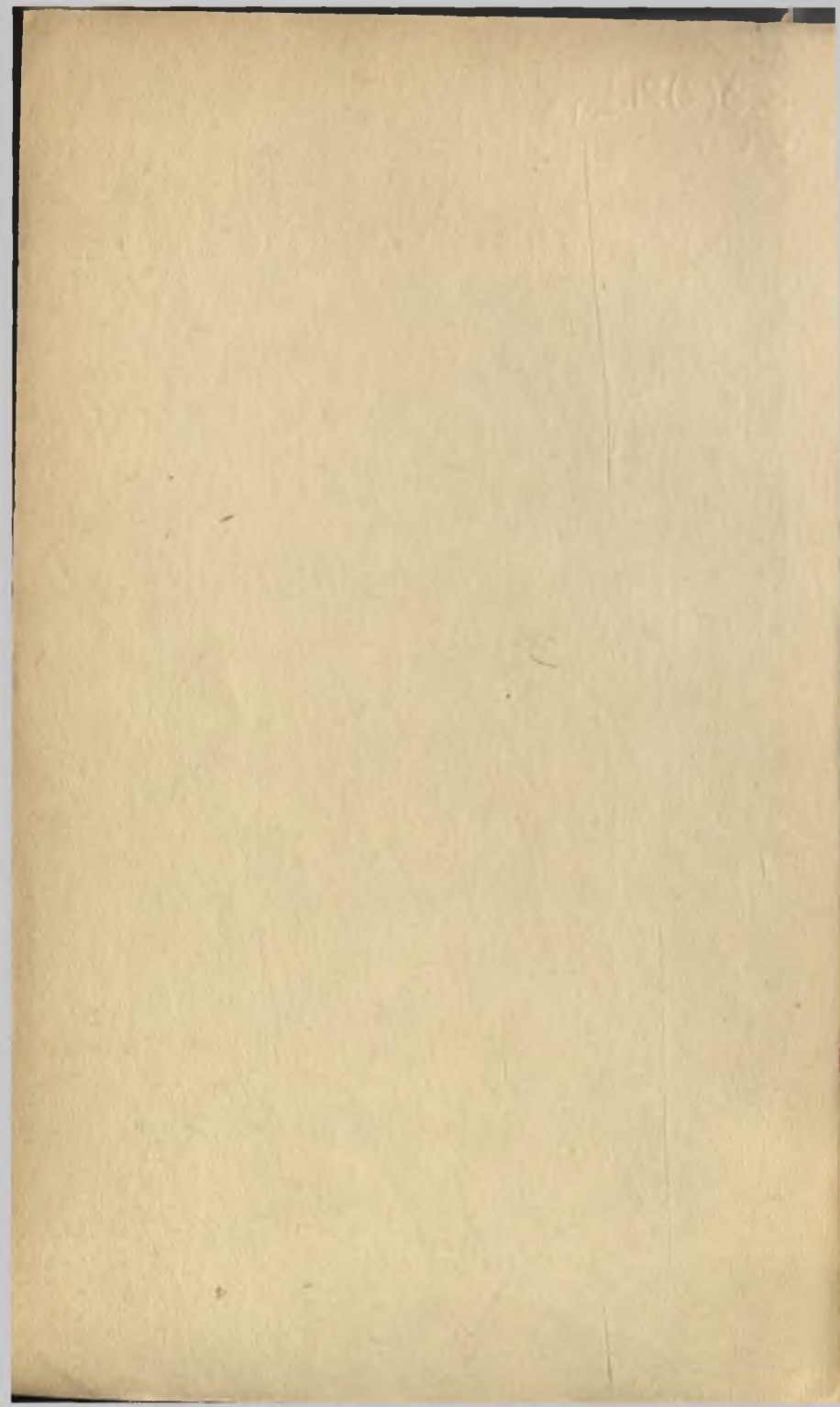
К 63.3(2)712-43
К 65

Г. Копытов

**В БОЯХ
НА
СЕВЕРНОМ
УРАЛЕ**

12+

К 63.3(2)712
-43
К 65

Ф. Копытов

**В БОЯХ
НА
СЕВЕРНОМ
УРАЛЕ**

49458
0

Средне-Уральское
Книжное
Издательство
Свердловск
1965

Красноуральская
центральная
библиотека

Автор книги Ф. Г. Копытов, член КПСС с февраля 1918 года, активный участник гражданской войны. В своих воспоминаниях он воскрешает страницы героической борьбы с контрреволюцией на Северном Урале 1918—1919 годов. Автор рассказывает, как из разрозненных боевых отрядов молодой Советской республики создавались части регулярной Красной Армии, которые сумели выбросить с Уральской земли Колчака и подавить внутреннюю контрреволюцию. Основное внимание Ф. Г. Копытов уделяет боевым делам Верхнекамского полка, в составе которого он участвовал в боях за освобождение Урала и Сибири от армии Колчака.

При описании событий автор пользовался личными воспоминаниями, воспоминаниями товарищей по оружию, литературными источниками, а также документами ЦГАСА и других архивов.

Книга может быть полезна молодому читателю, преподавателям истории школ, вузов и всем, кто интересуется историей освобождения нашего края от белогвардейцев и интервентов.

Рецензент: кандидат исторических наук
О. А. Васьковский

ВВЕДЕНИЕ

23-й Верхнекамский полк, о котором рассказывает в воспоминании Ф. Копытова, снискал себе добрую славу на фронтах гражданской войны. В составе Особой бригады, а затем 51-й стрелковой дивизии, этот полк прошел с боями по Уралу и Сибири, сражаясь с белогвардейскими бандами адмирала Колчака, и закончил свой боевой путь в Крыму, где Красная Армия разгромила последнего ставленника империалистов — черного барона Врангеля. За высокую самоотверженность, мужество и стойкость, проявленные в борьбе с врагами социалистического отечества, по приказу Революционного военного совета республики от 30 августа 1920 года полк был награжден почетным революционным Красным Знаменем¹.

Предысторию 23-го Верхнекамского полка следует начинать с военно-политических событий, развернувшихся на левом фланге советских войск Восточного фронта осенью 1918 года. Здесь против белогвардейцев и интервентов сражались соединения 3-й армии, прикрывая подступы к Перми и к промышленным центрам Северного Урала. Пермский участок фронта приобрел в то время исключительно важное стратегическое значение. Действовавшая в районе Екатеринбурга ударная груп-

¹ Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.). Сборник документов, М., Воениздат, 1957, стр. 72—73.

пировка белогвардейцев и белочехов численностью около 40 тысяч человек стремилась любой ценой прорваться через Пермь к Вятке и Котласу, чтобы соединиться с контрреволюционными силами на севере страны и повести совместное наступление на Москву. Несмотря на значительное численное и военно-техническое превосходство противника, войска 3-й советской армии не только упорно оборонялись, но и сами наносили сильные контрудары. В ожесточенных боях под Кушвой, Кыновским заводом, Красноуфимском, которые шли в октябре-ноябре 1918 года, белые потерпели крупные поражения.

Поскольку фронтальное наступление на Пермь не дало сколько-нибудь серьезных тактических результатов, белогвардейское командование попыталось применить обходный маневр против левого фланга 3-й армии, где оборонялись части Сводной Уральской (впоследствии 29-й стрелковой) дивизии под командованием М. В. Васильева. Еще 14 октября противник, продвигавшийся со стороны Алапаевска, занял Верхотурье — важный стратегический пункт, из которого открывались пути в обход Перми с севера на Кизел, Соликамск, Усолье и далее на северо-запад. Необходимо было задержать дальнейшее наступление противника, обезопасить левый фланг и тыл советских войск.

Эту задачу предстояло выполнить добровольческим отрядам, которые стали спешно формироваться на местах по указанию Уральского областного комитета партии и командования 3-й армии.

Для проведения мобилизации трудящихся и укрепления тыла обком РКП(б) направил в район Верхотурья члена облисполкома Б. В. Дидковского, который хорошо знал этот район по прежней партийной работе и к тому же имел военные знания (в свое время он окончил кадетский корпус). Б. В. Дидковский назначается начальником советских войск участка Кизел — Усолье — Соликамск — Павда.

Его помощником стал представитель Военного Совета 3-й армии В. Сильных. Конкретная задача отрядов состояла в том, чтобы прикрыть левый фланг 3-й армии со стороны Павды и Кытлыма, перерезать тракт Верхотурье — Соликамск и не пустить белых к Кизелу. Последнее имело особенно большое оборонное значение.

Позже, во время декабрьских боев на Пермском направлении, В. И. Ленин и Я. М. Свердлов специально обратили внимание командования Красной Армии на «...огромную важность Кизеловского района Перми, снабжающего углем заводы и всю железную дорогу»¹.

Небольшой отряд добровольцев сразу же вступил в соприкосновение с противником, который успел продвигнуться до Старой Ляли, что лежит на пути в Павду. Бой под Старой Лялей прошел успешно, но потом возле деревни Мелехино отряд попал в окружение и был разбит. Б. В. Дидковскому с несколькими бойцами и тремя возами оружия удалось все же вырваться из окружения и уйти в Павду.

В Павде и Кытлыме Дидковский с помощью коммунистов начал энергично собирать силы и наводить революционный порядок в тылу. Была объявлена мобилизация коммунистов и передовых рабочих. Их наскоро обучали обращению с оружием и зачисляли в отряд.

Тем временем белогвардейцы возобновили наступление по Верхотурско-Соликамскому тракту и вскоре подошли к Павде.

Это была часть из 19-го Сибирского полка численностью до 200 человек и с 4 пулеметами. Завязалась перестрелка. Но неравенство в силах было слишком большим. 14 ноября отряд добровольцев численностью в 45 штыков во главе с только что назначенным командиром П. С. Соловьевым отступил из Павды. Б. В. Дидковский уехал в Кытлым, оставив вместо себя В. Сильных, который повел отряд павдинцев не по свободной дороге на село Каменушку, а по Соликамскому тракту, чтобы прикрыть подступы к Кизелу. Кроме того, важно было защитить деревню Растес, где сходились дороги из Павды и Кытлыма.

В Кытлыме уже был сформирован небольшой отряд из коммунистов в количестве 26 человек. Вскоре он пополнился добровольцами, среди которых насчитывалось немало фронтовиков, и вырос до 100 человек. Кроме того был создан резерв². С Растесом и Кизелом поддерживалась регулярная телефонная и конная связь.

¹ Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 88.

² ЦГАСА (Центральный государственный архив Советской армии), ф. 1334, оп. 2, д. 354, л. 328.

Захватив Павду, противник пытался развивать наступление в двух направлениях: на Растес и Кытлым. К Кытлыму подошел отряд белых численностью в 40 человек. Однако добровольцы отбили наступление, и белогвардейцы вынуждены были с потерями отойти. Через день ночью они снова предприняли попытку занять Кытлым и снова безуспешно. На этом направлении противник временно приостановил наступательные действия. На подступах к Растесу у деревни Кырья он тоже встретил упорное сопротивление. Павдинский отряд, пополнившийся растесскими добровольцами во главе с волостным военным комиссаром В. М. Жильцовым, в течение двух недель удерживал свои позиции¹. Однако обстановка продолжала оставаться очень сложной. Белогвардейцы имели значительное численное превосходство. Кроме того, добровольцы испытывали острый недостаток в оружии, боеприпасах, обмундировании и продовольствии. 30 ноября Б. В. Дидковский направил из Кытлыма телефонограмму в Кизеловский военный комиссариат, а копию ее — начальнику 29-й стрелковой дивизии М. В. Васильеву. Он сообщал следующее: «Противник ведет наступление от Павды на Кырью. Наши силы недостаточны задержать его. Требую определенно немедленной доставки двух рот в полном вооружении, также 4 пулеметов, винтовок и прочего вооружения на 50 человек здешних... Здесь положение очень серьезное, и мы потеряем сразу выгодные позиции в горах, которые будет трудно снова занять»².

Еще 19 ноября, после получения известия о падении Павды, в Кизеле состоялось экстренное совещание руководителей партийных, советских, профсоюзных и военных организаций. Совещание признало, что наступление противника в этом районе создало реальную угрозу для Кизеловских угольных копей, а также поставило под удар тыл советских войск, действовавших на Пермском направлении. Было решено сначала организовать глубокую разведку и точно выяснить обстановку. 20 но-

¹ Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. Г. Особая бригада. М., Воениздат, 1962, стр. 29.

² ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 354, л. 330.

ября отряд конных разведчиков в 20 человек под командой Кизеловского военного комиссара Евлогиева выступил в район расположения отрядов Дидковского. Прибыв в Растес, Евлогиев узнал все обстоятельства отхода отрядов из Павды. Затем он оставил своих разведчиков в Кырье, а сам 29 ноября возвратился в Кизел, чтобы организовать необходимую помощь. 2 декабря Евлогиев докладывал М. В. Васильеву, что кизеловская рота красноармейцев численностью до 160 человек с пулеметной командой и отрядом конных разведчиков выступает на фронт по направлению к Растесу и Кырье¹.

Следует указать, что командование 29 дивизии придавало большое значение действиям добровольческих отрядов, прикрывавших левый фланг, и пыталось оказать им необходимую помощь. 22 ноября начдив М. В. Васильев приказал командиру Волинского полка Фомину вести разведку в направлении Николае-Павдинского завода. «В районе последнего,— говорилось в приказе,— действует батальон коммунистов под командой Дидковского, а поэтому употребить все усилия, чтобы войти с этим батальоном в связь»². О положении отрядов М. В. Васильеву стало известно после телефонного разговора с военным комиссаром Усольского уезда Опутиным. Военком доложил обстановку в районе Павда — Кытлым — Растес, дал характеристику действовавших здесь сил противника и упомянул о том, что поддерживает связь с Дидковским³. По-видимому, Опутин получил указание послать на помощь добровольческим отрядам батальон красноармейцев из Усоля. Во всяком случае, в донесении Васильеву от 24 ноября он сообщал, что посылка батальона из Усоля в Растес сопряжена с большими трудностями из-за плохих дорог и недостатка продовольствия на пути следования, что это приведет к большой потере времени, и просил разрешения послать в район Николае-Павдинского завода Кизеловский отряд с пулеметами. Усольский же батальон численностью в 400 штыков предлагалось перебросить к станции Выя, чтобы поддержать наступление левофланговых частей

¹ ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 354, л. 327.

² Там же, л. 750.

³ Там же, д. 18, лл. 149—152.

дивизии на Верхотурском направлении¹. Начдив согласился с этими предложениями. В то же время он телеграфировал в Усолье: «Дидковского поддержать новыми силами и отдайте распоряжение, чтобы он продолжал действовать в районе Николае-Павдинского завода в направлении на дер. Мелехино. Прошу чаще присылать донесения об успехах действий Дидковского»².

Командование 3-й армии рассчитывало предпринять в 20-х числах ноября контрнаступление на участке 29-й стрелковой дивизии с тем, чтобы снова овладеть Верхотурьем и обезопасить левый фланг советских войск. В этой операции должны были принять участие и отряды Дидковского. Как видно из приведенной выше телеграммы М. В. Васильева, им предстояло наступать через Павду на Мелехино и далее на село Караул. Это могло поставить под угрозу фланг белогвардейской группировки, занимавшей район Верхотурья. Однако события развернулись иначе.

Дело в том, что пока 3-я армия вела оборонительные бои и вслед за другими советскими армиями Восточного фронта готовилась перейти в контрнаступление, военно-политическая обстановка значительно изменилась. В оккупированных белогвардейцами восточных районах страны к власти пришел в результате переворота в Омске 18 ноября 1918 года черносотенный диктатор Колчак. Империалисты Антанты оказали своему ставленнику огромную материально-техническую и военную помощь. Колчаку удалось объединить под единым командованием все белогвардейские силы. Его поддержали не только капиталисты, помещики, реакционное офицерство, деревенская буржуазия, зажиточные верхи казачества, но и среднее крестьянство Сибири и Урала, которому не понравилась диктатура пролетариата, запретившая свободную торговлю хлебом. Это дало возможность диктатору приступить к формированию массовых белогвардейских армий и начать подготовку нового похода на Москву.

В первую очередь Колчак по-прежнему намеревался прорваться через Пермь на Север, где он рассчитывал наладить более тесный контакт с интервентами и орга-

¹ ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 354, л. 722.

² Там же, л. 721.

низовать новые базы снабжения своих войск. Для захвата Перми предназначались крупные силы. В ноябре на пополнение екатеринбургской группировки белых был переброшен из Томской губернии 1-й Среднесибирский корпус под командованием сподвижника Колчака генерала Пепеляева, сформированный в значительной части из зажиточных крестьян. Основная масса вооружения, которое Антанта поставляла белогвардейцам, также перебрасывалась в район Екатеринбурга. Общая численность вражеских войск, действовавших против 3-й армии, достигла примерно 42 тысяч штыков и сабель. Непосредственно на Пермском направлении, где оборонялась 29-я стрелковая дивизия, противник создал двойной и даже тройной перевес в силах. После этого Колчак отдал приказ о решительном наступлении на Пермь.

29 ноября белые нанесли по фронту 29-й дивизии ряд мощных ударов. В районе станции Выя и на подступах к Кушвинскому заводу разгорелись кровопролитнейшие сражения. Части дивизии, неся огромные потери, испытывая острый недостаток в продовольствии и боеприпасах, начали отходить к станции Чусовой, откуда открывался уже прямой путь на Пермь.

Отступление регулярных войск 3-й армии тяжело отразилось на положении отрядов, прикрывавших с востока подходы к Кизелу, Усолю и Соликамску. В начале декабря павдинская группа белых, усиленная свежими резервами, возобновила наступление на Растес. Отряд добровольцев, сражавшийся под Кырьей, был вдвое меньшим по численности.

Бой был очень упорным. Участник этого боя К. И. Захаров рассказывает, что белые, пустив вперед лыжников, окружили деревню с трех сторон и открыли по ней ураганный огонь из винтовок и пулеметов. Добровольцы держались до последней возможности. Только после того, как были израсходованы боеприпасы, а многих бойцов потеряли убитыми и ранеными, отряд оставил Растес и отступил к селу Верх-Косьва¹. Это случилось 4 декабря. Попавший в окружение Кытлымский отряд во главе с Дидковским вынужден был пробиваться к своим в невероятно тяжелых условиях по бездо-

¹ ПАСО (Партийный архив Свердловской области), ф. 41, оп. 1, д. 752, л. 32.

рожью через труднодоступный хребет Косьвинский Камень. Вышли все съестные припасы, и бойцы голодали. Еще большие страдания причинял холод: стояли 35-градусные морозы, а теплой одежды и обуви у многих не было. Чтобы облегчить передвижение по глубокому снегу, мастерили из сырых древесных стволов что-то напоминающие лыж. А кругом был враг. Наконец, после нескольких суток мучительного перехода отряд вышел из окружения в районе Верх-Косьвы. В живых осталась небольшая горстка полуобмороженных, но сильных духом людей. Отдохнув два-три дня, кытлымские добровольцы снова пошли в бой¹.

Тем временем противник продолжал настойчиво преследовать советский отряд, отступавший из Растеса. Однако к павдинцам уже начали прибывать подкрепления. Сначала подошел отряд конников из Кизела в 25 человек. Затем прибыл Соликамский отряд, насчитывавший до 150 бойцов². С этими силами В. Сильных упорно оборонял Верх-Косьву. Тогда колчаковцы ввели в бой свежие резервы и сумели захватить село. Добровольцы отступили, закрепившись на хуторе Молчан.

Как раз в этот момент вышли из окружения кытлымские добровольцы. Надо было организовать оборону. В первую очередь предстояло решить вопрос с пополнением. По указанию Уралобкома РКП(б) в северных уездах началась поголовная мобилизация революционных сил. Партийные организации Кизела, Губахи, Соликамска, Чердыни шлют на помощь подкрепление, боеприпасы, продовольствие³.

После укрепления и реорганизации отрядов, было предпринято контрнаступление на Верх-Косьву — важный опорный пункт на северном тракте.

Штурм села начался 12 декабря. Вот как вспоминает об этом один из участников И. М. Неволин: «Утром на рассвете завязался бой. Белые имели превосходство в силе в два раза, но наши духом не падали, а мужественно дрались, каждый из нас верил, что победа будет за нами. В результате после жаркого боя де-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 752, л. 33.

² Там же, л. 32.

³ Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. Г. Особая бригада, стр. 30.

ревня Верх-Косьва была взята, а командир белогвардейского отряда убит на месте»¹.

Когда советские войска оставили Кизел, чтобы избежать окружения, Дидковский отдал приказ отступить к Каме, в район Соликамска. Верх-Косьву добровольцы оставили 21 декабря.

Отступая по Соликамскому тракту, они продолжали оказывать упорное сопротивление противнику, который действовал двумя хорошо вооруженными батальонами из состава 18-го Тобольского полка. Расположенное на тракте село Верх-Яйву белогвардейцам удалось захватить только 30 декабря².

В это время общее положение на фронте еще более ухудшалось. 25 декабря пала Пермь. Оборонявшие город части 3-й армии отошли в сторону Вятки. Продолжая наступление, колчаковское командование выделило часть сил для захвата Верхнего Прикамья, чтобы затем проникнуть в Печерский край навстречу действовавшим здесь белогвардейским отрядам под командованием князя Вяземского. Таким образом, советские войска, которые обороняли район Усолье — Чердынь, оказались отрезанными от основных сил. Необходимо было принимать какие-то меры. В конце декабря в Усолье состоялось совещание руководящих партийных и советских работников северных уездов Урала совместно с командирами частей и отрядов. Там было принято решение отходить за Каму, в пределы Коми-Пермяцкого края, и пробиваться на соединение с 3-й армией.

Путь отхода отрядов из Усольско-Чердынского района пролегал на запад через села Березовка, Чураки, Кочево. Маршрут был выбран с таким расчетом, чтобы дать возможность эвакуировать из района Соликамска и Чердыни ценные грузы, а также семьи коммунистов и красноармейцев.

Этот поход явился новым серьезным испытанием морально-политических качеств добровольцев. Приходилось все время отбиваться от наседающего противника. Огромный обоз с эвакуированными людьми и материальными ценностями ограничивал маневренность отрядов.

¹ Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. Г. Особая бригада, стр. 35.

² Там же.

В тылу то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания, организуемые агентами Колчака. Добровольцы вынуждены были вести войну на два фронта. Ко всему этому следует добавить крайне суровую и снежную зиму, хронический недостаток боеприпасов, продовольствия, теплой одежды. Но трудности лишь закаляли волю бойцов.

Во время похода отряды Дидковского сохранили свою боеспособность, пополнились новыми силами за счет коммунистов, рабочих и крестьянской бедноты Верхнего Прикамья. Особенно много среди добровольцев было трудящихся коми-пермяков. В селе Кочево, куда Дидковский прибыл в начале января 1919 года, к нему присоединился еще отряд чердынцев. Всего собралось до 800 человек. Здесь и началось формирование сводного батальона. Командовать батальоном было предложено С. Г. Пичугову — бывшему командиру 1-го горного полка 29-й стрелковой дивизии¹.

Вновь сформированный батальон сразу же получил боевое крещение. Часть батальона приняла участие в подавлении крупного белогвардейского восстания, которое вспыхнуло в богатом селе Юрла 19 января. К этому времени советские части, вышедшие в район Кудымкара, уже установили связь с 3-й армией. В их расположение прибыл командир 29-й стрелковой дивизии А. Л. Борчанинов, уполномоченный командованием 3-й армии. Посетив село Юм, где размещался сводный Верхнекамский батальон, он дал указание переименовать батальон в полк. 25 января Дидковский издал последний приказ как начальник советских войск Усольско-Чердынского района². В приказе объявлялось, что сводный стрелковый батальон переименовывается в Верхнекамский стрелковый полк двухбатальонного состава. В 1-й батальон включались Соликамская, Пермская и Кизеловская роты. Командовать им поручалось бывшему поручику старой армии А. П. Дудареву. Чердынская рота, Павдинский отряд и отряд Чердынской чрезвычайной комиссии составили 2-й батальон под командованием С. С. Покровского. Командиром полка назначается

¹ Приказ по батальону. ЦГАСА, ф. 3849, д. 6, л. 45.

² ЦГАСА, ф. 3849 оп. 1, д. 78, л. 1.

С. Г. Пичугов, его помощником — П. Б. Богданов. Дидковский был назначен временно комиссаром полка. Вместе с 21-м Мусульманским и 22-м Кизеловским полками 23-й Верхнекамский полк вошел в состав 5-й бригады 29-й стрелковой дивизии.

Такова вкратце история, предшествовавшая событиям, о которых вспоминает Ф. Копытов.

*О. А. ВАСЬКОВСКИЙ,
кандидат исторических наук*

После кровопролитных боев под Чусовой 21-й Мусульманский полк, 4-й Уральский и остатки 1-го Горного полка, а также не закончивший формирование 22-й Кизеловский полк отступили по Луневской ветке на Губаху. Отряды Дидковского в это время тоже отступили и находились в районе Дедюхино — Соликамск. В Усолье состоялось заседание укома РКП(б), ревкома, командиров и политработников полков и отрядов. Заседание предложило из полков и отрядов сформировать Северо-Уральскую дивизию для защиты Чердынско-Усольского края и дальнейшей борьбы против армии Колчака и интервентов. Одним из сторонников создания этой дивизии оказался командир 21-го Мусульманского полка А. И. Федоровский. С помощью многих командиров и политработников ему удалось быстро сформировать дивизию. В нее вошли 21-й Мусульманский полк, 4-й Уральский, Кизеловский, еще не закончивший формирование.

Отряды Дидковского из района Дедюхино — Соликамск отступили в западном направлении. Одни — через Березовку, Уролку, Косу, Юксеево с поворотом на Кочево, другие — через Березовку, Чураки, Усть-Зулу.

Во время подавления мятежа в Юрле сосредоточились отряды, партгруппы, большое количество коммунистов и беспартийных добровольцев из северных волостей Коми-Пермяцкого края. Из села Бисерово, Вятской губернии, прибыл коммунистический отряд в составе 40 человек под командованием Ф. И. Ольшевского.

Усиление противником наступательных действий в районе Соликамск — Усолье, отсутствие связи с частями Красной Армии вынудили Федоровского отвести дивизию на новые рубежи. Ее полки остановили продвижение противника и закрепились в районе Сиринское, Щекинское, Мочга, Купрос, Лёнва, Юрическое, Нердвинское. Федоровский установил связь с уездными партийными и советскими организациями. Центром Усольского уезда в это время стал Кудымкар. В начале января штаб дивизии находился в Юсьве, а затем в Кудымкаре.

В Юрле состоялось общее собрание членов РКП(б), начальников отрядов и беспартийных добровольцев, собрание высказалось за объединение всех отрядов в полк и решило назвать его «Верхнекамский». Формирование полка началось.

24 января в Кудымкар прибыл комиссар 29-й дивизии А. Л. Борчанинов. По уполномочию командования 3-й армии он ликвидировал Северо-Уральскую дивизию. Полки, входившие в нее, были переданы 29-й дивизии и стали ее 5-й бригадой. В тот же день Борчанинов побывал в Юму, в 15 километрах от Юрлы, где находились штабы отрядов Дидковского, Сводного отдельного батальона и шло объединение отрядов в полк. Борчанинов приказал ускорить формирование полка. Командиром полка он назначил С. Г. Пичугова.

В полку в это время было сформировано только 4 роты, главным образом за счет Сводного батальона. Приказом по полку от 3 февраля командиром 2-го батальона был назначен С. С. Покровский. Ему было предложено организовать из отрядов Чердынской ЧК и Бисеровского отряда 5-ю и 6-ю роты. 6-ю роту составили преимущественно коммунисты и беспартийные добровольцы Коми-Пермяцкого края.

26 января 1919 года был отдан приказ о размещении Верхнекамского полка по деревням, имеющим стратегическое значение: Пиукову, Вятчину, Юрлу, Бадью, Келич, Конкину, Петракову. Линия фронта получилась зигзагообразной и протяженностью более сорока верст. Таким образом, участок, занятый Верхнекамским полком, стал левым флангом Третьей армии и 29-й дивизии. Справа от него в районе Купроса продолжал вести бои 22-й Кизеловский полк.

Через несколько дней штаб бригады откомандировал Дидковского в распоряжение штаба Третьей армии. Комиссаром 23-го Верхнекамского полка был назначен С. П. Кесарев, а затем Степан Рычков.

На четвертые сутки после подавления Юрлинского мятежа в селе Кочево появились части регулярной белой армии. Враг надеялся на легкое, беспрепятственное выполнение своих ранее намеченных планов. Он рассчитывал с ходу овладеть всем районом Юрлы и отсюда безостановочно двинуться за лесную гряду, сосредоточить сначала большие силы на линии заводов Кирс, Песковка, Залазна, Омутнинск, в обход устремиться дальше в глубь вятских земель, а затем и к Котласу. Противник успел сосредоточить на нашем участке фронта значительные силы, и 27-го января батальон белых повел наступление со стороны села Кочево на роту Верхнекамского полка, занимавшую деревни Келич и Конкино. Применяв глубокий лыжный обход, белые заняли деревню Келич. Рота верхнекамцев отступила на пять километров в село Юм.

Через несколько дней кизеловцы оставили село Егву. Это создало угрозу ротам нашего полка на правом фланге. Мы выбили из Егвы белогвардейцев и закрепились в ней. Но участок фронта Верхнекамского полка стал еще более растянутым. Приказом по полку была произведена новая перегруппировка сил: Юм, Юрлу, Пиукову, Бадью, Петракову верхнекамцы оставили без боя. Опорными пунктами полка стали деревни Подкина, Зарубина, Вылом, Кадчина, Косогор, Вятчина, Цыбьяны, Жеребцово, Егва.

Постепенно в полку устанавливался порядок. В ротах и командах создавались партячейки. Они брали на учет всех членов партии и сочувствующих, проводили ротные собрания. Было избрано полковое партбюро. В состав его вошли И. В. Петраков (усолец), И. В. Матлин, А. А. Панов, Тяпугин (Березники, содовый завод), Н. Н. Шибанов (из Чердыни).

Члены полкового бюро проводили беседы, читки газет. С большим увлечением выполнял эту работу Н. Шибанов. Он находил время читать газеты «Правда», «Беднота», «Красный набат» не только красноармейцам, но и крестьянам во фронтовой полосе. Газеты зачитывались до дыр. Не проходило, пожалуй, ни одного собрания без

обсуждения вопросов международного положения. Гневно реагировали красноармейцы на действия империалистов против интересов Республики Советов.

2

Полки ликвидированной Североуральской дивизии и 23-й Верхнекамский полк в составе 5-й бригады 29-й стрелковой дивизии находились всего одну неделю. Создание Северного экспедиционного отряда и Северной дивизии становилось все более и более необходимым. Командование Третьей армии переформировало 5-ю бригаду в Особую бригаду на правах дивизии. В состав Особой бригады на первых порах вошли 21-й Мушльманский, 22-й Кизеловский и 23-й Верхнекамский полки. Быстро были сформированы Северный кавалерийский полк и артиллерийский дивизион.

Командиром Особой бригады назначили М. В. Васильева, бывшего начальника 29-й стрелковой дивизии, находившейся в последние месяцы в резерве кадров при штабе Третьей армии. Комиссар 5-й бригады 29-й дивизии М. Н. Миков стал комиссаром Особой бригады.

Состав бригады постепенно увеличивался. И хотя ей не под силу было осуществить широкие наступательные операции на северном направлении, которые были нужны для изгнания противника с территории Чердынского и Усольского уездов, полки Особой бригады на занимаемых ими участках остановили продвижение противника. Шли бои на левом фланге 29-й дивизии. Впервые после оставления частями Красной Армии северо-запада Урала белые почувствовали на своем правом фланге организованность и силу Красных полков.

Особенно упорные бои шли за деревню Кадчину, где находился Верхнекамский полк. Деревня много раз переходила из рук в руки. Но удержаться в ней противнику удавалось на один-два дня, не больше. И все же враг снова и снова атаковал верхнекамцев. Белые боялись, что если не овладеют Кадчиной и группой близ лежащих деревень — Касаткиной, Выломом и другими, они попадут в окружение и не смогут направить свои войска через деревни Зарубину, Подкину, Кобыляк, Мыс, Липухино и далее через волок и вятские земли.

21 февраля в деревне Кадчиной шел очередной бой. В темную ночь батальон противника через поле и огороды стремительно ворвался в деревню со стороны Юрлы и Титовой. Белые проникли в центр деревни. Взвод красноармейцев 4-й роты на окраине деревни оказался отрезанным. Без умолку с обеих сторон строчили пулеметы. На перекрестках улиц вспыхивали рукопашные схватки. Даже в бревенчатом срубе в центре деревни несколько красноармейцев и вражеских солдат дрались рукопашную.

Роковым этот бой оказался для неутомимого агитатора В. П. Никитина.

За два-три часа до боя он вернулся из соседней деревни Вылом и крепко заснул на полатах. Бой продолжался. Мы бросились в контратаку и выбили врага из деревни, но Никитина в деревне не оказалось.

Через два-три дня белые снова наступали на Кадчину со стороны Юрлы. Пользуясь численным превосходством и имея много пулеметов, они вытеснили нас на самый край деревни. Мы были уже под горой, за деревней. Но смелой контратакой нам удалось вытеснить белых из деревни и обратить их в бегство. Уже наступила послебоевая тишина. В поле со стороны соседней деревни Касаткиной в наш тыл незаметно подошла цепь неизвестных солдат. Они стояли на корточках в глубоком снегу и не стреляли. Не открывали огня и мы. Рассветало. Из цепи выдвинулся вперед человек с винтовкой в руке.

— Бросай винтовку! — предупредил я его. — Кто вы?

— Мы — народная армия, — приглушенным голосом ответил он.

— А-а, знаем мы эту «народную армию». Бросай винтовку и иди сюда. Мы — красные.

— А вы даете честное слово, что ничего со мной не случится? Вопрос не показался мне странным и я, не задумываясь, ответил:

— Даю.

Коренастый, невысокого роста человек в офицерской шинели воткнул в снег винтовку и медленно подошел ко мне. И не знаю почему, скорей от растерянности, сдвинув на затылок с широкого лба папаху и подавая мне руку, мягко сказал: — А-а. Это ты здесь орудуешь?

Я узнал его, это был мой однофамилец Копытов

Иван Трофимович, земляк по волости. На погонах у него были отличительные знаки поручика, нарисованные химическим карандашом.

Вдруг на окраине деревни, со стороны Юрлы, снова поднялась стрельба, затрещали пулеметы. Тут уж было не до разговоров. Я побежал на место возобновившегося боя, а земляка приказал отвести в штаб роты и строго следить за цепью беляков. Через несколько минут контратака белых была отбита. Я пришел в штаб роты продолжать разговор с Копытовым. Он беззаботно, не обнаживая ни малейшего волнения, сидел на лавке.

— Ну, ты со своей ротой к нам перешел? — спросил я его.

— Ничего подобного. Мне показалось, что деревня занята нашими войсками! — повышенным тоном ответил поручик.

— А сейчас как? Может, останешься у нас?

— Я не могу быть изменником армии, в которой служу.

— Не играй героя! Говори, сколько у вас солдат в Юрле, батальон? Два? В Сулае?

— Я ничего не скажу, а буду повторять, что вы скажете.

— Против кого воюешь?

— Против большевиков. Они затоптали в грязь интеллигенцию.

— Только и всего. Мало же смыслит твоя башка в политике. А ну-ка, ребята, выверните его карманы!

Во внутреннем кармане поручика оказался «бульдозишко». Меня затрясло. Возмущало все: и наглые ответы, и какое-то тупое спокойствие офицера. Рука потянулась к «маузеру». Поручик поднял руки и чужим голосом сказал: — Воля победителя.

Меня остановили товарищи. Да и сам я подумал: «Не от ума на рожон лезет, да еще так неуклюже. Может быть, в штабе полка что-нибудь скажет». Разговор закончился. Поручик отказался ответить на вопрос — где и когда он оказался у белых. Ничего не ответил и на вопросы о Никитине. Мы отправили его в Куву, в штаб батальона.

Через несколько дней стало известно, что наш агитатор Никитин был захвачен в плен. Его гнали при 30-градусном морозе босиком более 20 километров в

село Юм, потом увезли в штаб Калиты, а затем на казнь...

Шли бои и в деревне Вятчиной. Эта деревня, как и Кадчина, несколько раз переходила из рук в руки. В рядах верхнекамцев бесстрашных героев было много: С. Д. Горшков, Н. Д. Иконников, Коля Пищальников, Вася Дураков, Николай Шибанов, Федор Ершов, Василий Иванович Чашин (так его звали не по возрасту, а за храбрость и удачу), Ефрем Собанин, Осип Ковыляев, Зубов — комвзвода из Пешнигорта, Виталий Коновалов, А. Леонтьев, Александр Ваньков, Гриша Овчинников, Вася Боталов, Паша Горшков, Капа Симонова, Митя Пастухов, Р. Дружинин, П. С. Саранин, Ф. Ольшевский, Шмырин, И. И. Меньшиков, Э. Рик и другие, всех не перечтешь.

В боях и в разведке они проявляли подлинный героизм. Самоотверженно работала в штабе Катя Истокская. Хорошо запомнились люди, не знавшие страха. Паше Саранину, например, ничего не стоило одному вихрем промчатся по деревне, занятой противником. Белые не успеют и рта раскрыть, как Павел галопом проскачет по деревне на коне. Он не раз помогал нашим наступающим частям входить в села и деревни. Приблизившись к селу, занятому белыми, красноармейцы останавливались. Павел Саранин, одетый в крестьянскую шубу и шапку, верхом на лошади подъезжал к часовым. Его, разумеется, останавливали. Начинались вопросы да допросы. Саранин хватался за винтовку, прижатую ногой к боку лошади и обескураженные часовые вынуждены были молчать.

Товарищи в шутку дали Саранину прозвище «сметанник» за то, что он обычно раньше других врывается в деревню и гостеприимные крестьянки угощали его, хотя и угощали обычно не сметаной, а неизменной картошкой в мундире. Но случалось, что перепадала Саранину и сметана.

Трудно назвать более нужную помощь, чем помощь в бою. Часто выручал нас четырнадцатилетний паренек Миша, к сожалению, фамилии теперь не помню. Бывало, цепи белых насаждают, а патронов остается на каждого по пятку, а то и меньше. И тут появляется Миша. В длинном пальто, под градом вражеских пуль подползает он на брюхе к цепи. К поясу привязана веревочка,

на которой он тащит за собой ящик патронов. Иногда эти патроны решали исход боя.

Член Социалистического союза молодежи Юрлинской организации шестнадцатилетний Филя Конин во время Юрлинского мятежа находился в осажденном штабе. После разгрома мятежа сразу же примкнул к Юрлинскому конному отряду и стал как и все конники красноармейцем 4-й роты Верхнекамского полка. За отвагу и смелость Филю любила вся рота. В одном из боев вражеская пуля оборвала жизнь юного борца за власть Советов.

3

Создание Особого Северного экспедиционного отряда затянулось. Для ускорения формирования и отправки его на фронт было решено взять батальон лыжников 6-й армии Северного фронта. Батальон в составе 700 подготовленных лыжников был передан экспедиционному отряду. Батальон прибыл в Вятку. Там он пополнился. Отдел формирования частей особого назначения направил в него 200 членов партии большевиков, из них 140 кизеловцев, прибывших в Вятку еще при эвакуации Кизела, и значительное количество добровольцев и мобилизованных. Батальону было присвоено название — Особый Северный Экспедиционный отряд. В нем насчитывалось более 1500 человек. Отряд имел винтовки, значительное количество пулеметов, бомбометы и скорострельные пушки. Отряд выступил из Вятки и прошел через Слободское в Кайгород. Отсюда предстояло через лесную открытую грядку пробраться в тыл белых, в район Юксево — Кочево, т. е. во вражеский тыл, в 60—80 километрах от линии фронта, перерезать шоссе Юрла — Чердынь, и развернуть на территории северных районов — Чердынского и Усольского уездов — боевые действия.

23 февраля по Верхнекамскому полку был дан приказ — перейти вместе с 3-м батальоном 22-го полка к активным действиям и в ближайшие дни выйти на линию Ошиб — Захарово — Юрла.

Приказом предлагалось командиру 1-го батальона, оттеснив противника, занять Жеребцово, Козлову, Ильи-

чи. Восстановить связь с 22-м полком. Командиру батальона предлагалось оттеснить противника и занять линию Русская — Касаткина.

Был намечен план наступления на Юрлу.

«4-я рота,— говорилось в приказе,— в полночь выступает из Кадчиной, предварительно дает сигнал роте, расположенной в деревне Косогор, которая тоже отвечает сигналом и выступит на Юрлу по тракту».

Точно в установленное время 4-я рота выступила на Юрлу. Зажигать для сигнала скирды хлеба в поле или на гумнах было жаль. Хлеб был нужен и жителям деревни и нам. Часовня, притаившаяся на площади, оказалась более подходящей для сигнала. Вскоре она запылала.

4-я рота стремительно заняла Юрлу, проникла в центр, на базарную площадь и овладела многими улицами. Но рота из Косогора, несмотря на то, что с ней находился командир батальона Покровский, в наступление почему-то не вышла. А одной четвертой роте удерживать село оказалось трудно, белые располагали большими силами. Красноармейцы 4-й роты распылились по селу. И белые и красные смешались на перекрестках улиц.

И все-таки 4-й роте пришлось оставить Юрлу. В этом бою еще при первых выстрелах вражьей пулей был сражен наш кавалерист Вершинин, а Дмитрий Пастухов — ранен.

Противник потерял несколько солдат убитыми. Мы захватили семь кулаков, только что вступивших в белую армию. Их доставили в Кадчину. Они сидели в темно-красных печатных валенках и не без страха поглядывали на пулемет, стоящий посреди комнаты. На лавках и на полу вповалку крепко спали красноармейцы. На столе в речечной коптилке догорали последние капли елея. За столом дремал часовой, время от времени громко храпевший. Коптилка потухла. Был предрассветный час. Пленные вышли на улицу и сбежали. Хорошо, что не унесли пулемет.

На несколько дней раньше наступления на Юрлу наш пулеметчик Гриша Вишня уехал из Кадчиной на подводе в Кудымкар, за получением в хозчасти полка запасных частей для пулемета. Уехал и не вернулся. В роте гадали по-разному: сбежал к белым? Нет, Вишня

не мог так поступить. В пути натолкнулся на разъезд белых и схвачен ими? Так и оказалось. Когда мы ворвались в Юрлу, многие красноармейцы видели голое тело Вишни на виселице в центре села, у церкви. На спине у него была вырезана полоса кожи.

...Кай. Кайский край. Край нищеты и бескультурия. Ежегодно осенью жители этого края целыми семьями пешком или на клячах отправлялись в Пермскую и другие ближайшие губернии за сбором подаяний — зерна и кусков хлеба. Некоторые из них имели липовые документы: «Отправляется за сбором на погорелье». Люди края работающие, честные, но нужда заставляла их хитрить и маскироваться. Даже на новую одежду они нашивали большие фальшивые заплаты. Скуты новенькие, огромного размера, не скуты, а одеяла. Не то, что так называемые теплые портянки в старой армии, размером с носовой платок. Но и скуты у кайгородов были с белыми холщевыми заплатами. Все это с расчетом воздействовать на сердца и чувства подававших милостыню.

О своем крае кайгородские говорили: «Бог создал рай, а черт — Кай». Суровая природа, болота, зеленое лесное море, короткое лето по рукам и ногам связывали кайского крестьянина.

Все лето крестьянин трудился до пота, до кровавых мозолей, но посевы хлеба не дозревали, их начисто губили ранние заморозки.

Особый Северный экспедиционный отряд — Осовэк прибыл в центр этого края — в Кайгород и организовал здесь свою небольшую базу. Строго говоря, это была не база, а обычная стоянка. Отсюда, сквозь безлюдье тайги, по дороге-просеке, еще с осени занесенной снегом, отряд послал роту лыжников в район Кочево — Юксево. Лыжники прошли около 70 километров и добрались до деревни Зима, Юкseeвской волости. Это единственная деревня на всем почти стокилометровом пути. От Зимы до Юкseeво 40 километров. При первых же выстрелах застава белых из деревни убежала. Лыжники тронулись дальше. Их налет на Юкseeво был столь стремительным, что гарнизон белых не смог принять бой и оставил село. Но сил отважных лыжников, оторванных от своей базы, плохо вооруженных для больших операций в тылу врага, не хватало. Надежд вооружиться за счет врага не было. В этом глухом тылу не богат был оружием и враг.

Лыжники произвели разведку, выяснили, что верхнекамцы и кизеловцы не наступают, в районе Кочево царит спокойствие, и, оставив Юкеево, а затем и деревню Зима, вернулись в район Кайгорода. И все же, несмотря на то, что первый боевой поход Осовэка оказался малоуспешным, отряду удалось причинить противнику немало беспокойств. Белые вынуждены были выставить в деревне Зима усиленную охрану, строить укрепления, рыть окопы. Паника охватила белых и в глубоком тылу, в Чердыни. Белые уже перебрасывали из Чердыни некоторые воинские части в район Усоляя.

Велики заслуги верхнекамцев в обороне «ворот» на Вятку». Это была единственная дорога, пролежавшая через лесной массив, из Юрлинского района на Вятку. В течение пятидесяти дней верхнекамцы не дали противнику продвинуться ни на один километр, несмотря на то, что колчаковское командование на этот важнейший стратегический участок бросало все новые и новые резервы. Дорога на Вятку была крепко закрыта. Если врагу и удавалось иногда занять некоторые населенные пункты, то только на день-два. Накрепко преграждали путь врагу через Иньву и Гординское и наши соседи кизеловцы в районе Купроса и Доега. Здесь они сражались 65 дней. Отлично дрались и воины Мусульманского полка...

Крестьяне во фронтовой полосе оказывали нам всяческую помощь, как никогда раньше креп военный союз рабочих и крестьян, союз фронта и тыла.

Хорошо запомнились проводники из деревни Гороховый Мыс. Ранним утром в составе двух рот мы шли из Кувы в наступление, чтобы снова овладеть деревней Кадчиной. Одна рота направилась из деревни Гороховый Мыс в Малую Кадчину по лесной дороге, еще с осени начисто занесенной снегом, с расчетом отрезать белым путь отступления на Юрлу из Большой Кадчины и окружить их. Дорогу через лес в Малую Кадчину, оторванную от Большой Кадчиной огромным крутым логом, нам показывал крестьянин из деревни Гороховый Мыс, мужчина средних лет в немудреной одежке с большой белой холщовой заплатой на спине. На ногах у него были новые лапти и черные скуты. С ним рядом шел мальчик лет четырнадцати со светлыми длинными волосами, в длинном рваном шабуре и почему-то без

шапки. Когда мы вышли из густого елового леса в поле, впереди показалась Малая Кадчина. И проводник и мы предлагали мальчику вернуться, но он не уходил. Оба они шли вперед, наперебой рассказывали и показывали, как лучше перехватить дорогу.

Другая наша рота, наступающая по главной дороге, уже вступила в бой. У белых поднялась паника. Открыли огонь, и мы побежали вперед. Проводники бежали вместе с нами. Вот уже раздались последние залпы по последним улепетывающим врагам. Мы стояли в поле и досадовали, что не успели перехватить дорогу.

Нельзя забыть доброе, гостеприимное отношение крестьян деревни Жеребцовой, где мы находились несколько дней. На масляной неделе они вдоволь потчевали нас вкусными традиционными рыбными пирогами, оладьями и тонкими до прозрачности блинами из овсяной муки.

Наша хозяйственная часть полка доставляла продукты редко и мало, зачастую овсяный хлеб с мякиной и конину. Но в Кадчине мы не голодали. У нас при батальоне была своя хозчасть. Заготовкой продуктов занимался Г. Овчинников, по прозвищу Цыган, очень способный заготовитель.

Он умел нажимать на кулаков. Вместе с ним снабжением иногда занимался Н. Шибанов, всегда хорошо заботившийся о людях.

Местных жителей в деревне было мало. Дома оставались только старики, женщины и дети. Остальные кто где: в армии, в извозе. А многие семьи отсиживались в лесных кордонах и недоступных деревушках. Выпечкой хлеба занимались крестьянки. Делали они это в большинстве случаев мастерски, выпекали вкусные челпаны. Так здесь называли круглые булки.

В тылу врага комендантские карательные управления и следственные комиссии, в состав которых входили кулаки и другие враги Советской власти, всячески терроризировали бедняков. В немилости находились и середняки, выражавшие недовольство колчаковской властью. Это заставляло задумываться даже колеблющихся ранее крестьян. Вот он — Колчак, вот она — «народная» колчаковская армия. Что будет дальше? Наиболее смелые и активные крестьяне открыто выражали недовольство, оказывали белым сопротивление.

Бесстрашно боролась против колчаковщины молодежь, пятнадцати-шестнадцатилетние подростки. Еще летом 1918 года в Юрле была создана организация Социалистического союза рабочей молодежи. Она объединяла членов союза, проживавших не только в Юрле, но и в ближайших деревнях.

Большинство членов союза — четырнадцати-шестнадцатилетние юнцы. И это не случайно: парни более старшего возраста, которые могли бы быть по велению своего сердца членами союза и активно бороться за укрепление власти Советов, находились в красногвардейских отрядах, в Красной Армии.

Большая дружба связывала членов Социалистического союза молодежи с Юрлинским красногвардейским конным отрядом.

Каждый день в порядке поручения, ставшего постоянной обязанностью молодежи, в отряд приходили два-три члена организации, с разрешения дежурного по отряду раскрывали конюшни бывшего купца Силина и гнали лошадей на реку Лопву на водопой.

В реке лошадей не только поили, но и мыли. Лошадей ребята любили, ну и лошади знали их хорошо. Не успеет парнишка открыть двери конюшни, а лошади ржут, просят на реку. Но не это было главным.

Большую помощь члены молодежной организации оказывали Юрлинскому отряду Красной Армии в борьбе со скрывающимися бандитами. Подросткам удавалось выяснить местонахождение бандитов и их пособников. Помогла молодежь и волисполкому, бессменным председателем которого был Иван Ваньков.

Поздней осенью 1918 года, когда в Юрле организовался штаб связи и охраны Закамского края, многие члены союза переключились на работу в штабе. Они дежурили, выполняли обязанности связистов и другие посильные поручения.

При оставлении Юрлы Красной Армией некоторые члены союза по разным причинам оказались на занятой белыми территории: одних родители по своей неосознанности задержали, другие в спешке не были предупреждены об отходе. К тому же юнцов в армию не зачисляли.

Возглавлял молодежную организацию Тима Ваньков («Тима Анисимихин»). Он был председателем комитета

союза молодежи и до занятия Юрлы белыми. Вместе с ним в прифронтовой полосе в районе Юрлы действовали Сережа Гилин, Алеша Ваньков, Миша Желудков («Миша Горбач»). Член союза В. Любимов возглавлял оперативную группу, в которую входили Петя Штенников, Гриша Мелехин, Ваня Конин:

Юные борцы за власть Советов действовали смело, рискуя жизнью. Они писали и распространяли листовки, призывали крестьян не давать белякам продукты, лошадей и упряжь для перевозки военных грузов и солдат. Иногда им удавалось нарушать телефонную связь белых с тылом и с линией фронта. Все это требовало риска и отваги. Но юные борцы не боялись смотреть смерти в глаза.

Четырнадцатилетнего Гришу Мелехина задержали кулаки, когда он расклеивал листовки. Колчаковцы держали Мелехина в каземате несколько дней, подвергали зверским истязаниям, пороли, снова бросали в каземат, еще и еще выводили из каземата и снова пороли. И все-таки Гриша никого не выдал.

Погибли от кровавых рук белых палачей Миша Желудков, Сережа Гилин.

4

Оставление нашими частями северо-запада Урала, Чердыни, Усолья, Соликамска, почти всего Коми-Пермяцкого края и проникновение противника в район Троицко-Печерска создало новую, невыгодную для всей Третьей армии ситуацию. Укрепив свой правый фланг, части белой армии развернули новые наступательные действия в районе железнодорожной линии Пермь-Глазов. Инициатива на этом участке фронта снова перешла в руки белых.

В первых числах марта 1919 года армия Колчака начала общее наступление на широком участке фронта. Против частей Второй и Третьей армии действовали белая сибирская армия Гайды, корпуса Пепеляева и Вержбицкого, вновь сформированный корпус Гривина. Ударная группа Пепеляева при наступлении разделась на три части: одна направилась на Оханск, другая на село Сосновское и третья на Осу. Скоро противнику

удалось захватить Оханск и Очерский завод. Большими силами он двинулся к станции Кез. Ближайшей задачей враг ставил захват сначала Глазова, а затем и Вятки (ныне город Киров).

Частями 29-й стрелковой дивизии, принявшей на себя основные удары на этом направлении, трудно было отбить яростные атаки противника. Требовалась немедленная помощь. Командование нашей Третьей армии вынуждено было снять полки Особой бригады с занимаемых ими участков в районе Юрла — Купрос и послать их на помощь 29-й и 30-й дивизиям.

Прикрыть отход было приказано Северному кавалерийскому полку. 15 марта 1919 года, выполняя приказ по Особой бригаде, Верхнекамский полк сосредоточился в Кудымкаре, отсюда на подводах двинулся через села Иньву-Городинское в направлении станции Чепца, и через три-четыре дня прибыл в район Кез-Чепца. Отдыхать было некогда.

Получив боевое задание от начальника 29-й стрелковой дивизии, к которой снова был прикомандирован полк, верхнекамцы двинулись дальше. Положение было не из веселых. По дороге встречались мрачные, озлобленные красноармейцы, потерявшие связь со своими частями, отступившими с занимаемых позиций. Всюду следы поспешной эвакуации. В селе Кулига в волисполкоме выбиты все стекла в окнах, по полу и на улице разбросаны бумаги. С высокого крыльца дома волисполкома красные конники, очевидно связные, провожают глазами пролетающие в воздухе вражеские снаряды, которые разрываются совсем близко, поднимая огромные рыхлые копны черной застывшей земли.

По улицам села деловито ходят члены волревкома. Они заглядывают в каждый дом, проверяют, как выпекается хлеб для частей Красной Армии, и просят хозяек поторапливаться. И хозяйки торопятся.

В деревне Карпушенки полк сделал привал. Здесь берет свое начало Кама. В болотистой почти безлесной небольшой низине, совсем близко от крестьянского амбара, построенного на высоких столбах, пробивается вода, образуя маленький, малозаметный ручеек. Вот это и есть начало, исток многоводной реки Камы. Верхнекамцы по очереди припадали к источнику и, лежа, с наслаждением пили студеную воду.

Красноармейцы воинской части, обороняющей деревню Карпушенки, свободно расхаживали по улицам, хотя белые находились менее чем в полуверсте, в соседней деревне.

Двое красноармейцев перебросили через горб тощей белой лошади две большие связки газет «Правда», «Беднота» и «Красный набат». Связки низко повисли по бокам тощей клячи, закрыв торчащие ребра. Красноармейцы вывели клячу на дорогу, ведущую к белым, настигли ее жнутом и отпустили. Она медленно, с трудом передвигая ноги, шла по полю, но на полпути остановилась и уже в который раз безуспешно забросила голову к связке, пытаясь захватить зубами газеты. Красноармейцы дали несколько выстрелов в воздух. Лошадь снова пошла. Скоро ее встретили во вражеском лагере и наперебой разбирали газеты. Во все горло орал офицер, вырывал из рук солдат газеты, но был бессилен что-нибудь сделать.

Недалеко от Карпушенок деревня Марсенки. В ней белые. Влево от Марсенок, за небольшим полем, в соседней деревушке находится в окружении полурота полка Красных орлов. Красноармейцы мужественно защищаются и стремятся вырваться из осады. Перед верхнекамцами поставлена задача: выбить белых из деревни Марсенки и помочь полуроте Красных орлов выйти из окружения.

Был день. Ожидать вечера и тем более предутренней поры нельзя. Надо выручать Красных орлов. Деревня Марсенки расположена на высоком чистом поле, за болотом, покрытом кустарником и мелкоколосьем. Наша 6-я рота уже пыталась выбить белых из Марсенок, но это ей не удалось. Враг сыпал из пулеметов, а у 6-й роты пулеметов не было. В наступление двинулась 4-я рота.

Приблизились к деревне. Кончился лес. На стороне противника раздались выстрелы. Мы открыли ружейный и пулеметный огонь и бросились на врага. Белые заматались, но сопротивлялись отчаянно. Огонь верхнекамцев приковал их к заснеженному полю. Чтобы не оказаться в окружении, белые оставили деревню Марсенки, которая находилась в сотне метров справа от дороги. Бой продолжался на поле. Белые удирали и уже скрылись за холмом. Лишь десяток вражеских солдат во главе с офицером продолжали вести огонь. Пулемет замолк,

но ненадолго. Офицер оттащил «максима» от убитого пулеметчика и сам продолжал поливать нас огнем. Он уже несколько раз перетаскивал пулемет, оставляя на дороге груды гильз, и снова строчил.

Но вот пулемет замолк. Белые еще пытались отстреливаться и только после неоднократного требования бросили винтовки. Один из них оправдывался, что он принудительно забран в белую армию, хотя ему еще никто не задавал никаких вопросов. Другой заявил:— Я доброволец. И с тупым равнодушием спросил:— Скоро ли меня будут расстреливать?

Ему ответили, что в Красной Армии пленных не расстреливают. Пленные посмотрели друг на друга и скупо улыбнулись.

В этом бою нами захвачены два пулемета, много винтовок, патронов и более десяти арденов и рысаков орловской породы.

На захваченных подводах оказалось много английских сигарет и легкого табаку. Вот в какую даль и глушь американские и английские империалисты засылали подачки для армии Колчака. Сигареты были неважные, но все же лучше, чем лебеда или мох, которые нам, злостным курильщикам, иногда приходилось курить. Во всех домах в печках стояли чугуны с жирным мясным супом с вермишелью. Давно верхнекамцам не приходилось так сытно обедать.

Полурота полка Красных орлов вырвалась из окружения сразу же, как только завязался бой за деревню Марсенки.

В тот же день вечером рота верхнекамцев без боя вошла в деревню Коробову, приютившуюся у опушки густого хвойного леса. Ночью, на второй день, белые пытались занять Коробову, но после короткой перестрелки отступили.

Через три дня был отдан приказ о наступлении всего второго батальона нашего полка на деревню Платоновку. Коробову и Платоновку разделяет густой хвойный лес, который растянулся на восемь километров. На полпути, на небольшой речке, стоит мельница-мутовка. Деревня Платоновка раскинулась между двумя чистыми полями, по ту сторону крутого оврага. С правой стороны лес тянется почти до самой деревни, но здесь он начинает редеть. Батальон рассыпался по полю цепью.

4-й роте было приказано расположиться в резерве на опушке леса.

Противник открыл по наступающим цепям оружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Снаряды падают и рвутся, вырывая из наших рядов все новые и новые жертвы. В воздухе появился вражеский самолет. Было очень обидно, что мы не имели ни миномета, ни пушки, а о самолете и не мечтали.

Наступление шло под командованием помощника командира полка Ф. И. Ольшевского. Будучи тяжело ранен в грудь, Ольшевский долго не покидал поле боя. Враг сильным огнем прижал наши цепи к земле. Ольшевский в окровавленной шинели подошел к 4-й роте и почему-то не приказал, а попросил меня: «Возьмите самый боевой взвод, попытайтесь приблизиться к деревне по лесу и атаковать врага». Для глубокого обхода деревни он послал команду лыжников. Вся 4-я рота (оставаться наблюдателями никто не хотел) вместе с 6-й ротой под градом пуль, срезающих еловые ветки с деревьев, по глубокому, рыхлому снегу пробиралась к деревне.

По нашему настоянию побледневшего от потери крови Ольшевского санитары унесли с поля боя.

Бой продолжался. Белые уже много раз группами выпрыгивали из укрытий и пытались бежать, но снова заползали в укрытия. Чтобы спастись, им надо было пробежать по открытому полю, которое верхнекамцы обстреливали ружейным и пулеметным огнем, стараясь не пропустить в деревню резервы белых. А резервы эти то и дело пытались прорваться на помощь своей части.

Цепи 4-й и 6-й рот были уже совсем близко от деревни, в нескольких метрах. Справа в обход приблизились к деревне и лыжники, но по цепи передана команда: «Прекратить наступление, отойти назад».

За несколько минут до прекращения боя погиб помощник командира 6-й роты Василий Тимофеевич Боталов. Шальная вражеская пуля оборвала жизнь молодого интеллигента, бывшего офицера, беззаветно защищавшего республику рабочих и крестьян.

Убитых и раненых было много. После боя, пользуясь ночной темнотой, санитары под руководством старшины 4-й роты Иосифа Ковыляева перенесли всех раненых в мельничную избушку. Утром на подводах их доставили в Коробову.

Через два-три дня белые перешли в наступление на соседние деревни, расположенные влево от Коробовой. Применив глубокий обход, они окружили сразу несколько деревень. В одном из хуторов чудом вырвались из окруженного штаба Верхнекамского полка помощник командира полка Богданов и адъютант Подраменский. Им удалось захватить папки с особо секретными бумагами, выскочить из штаба через окно и ускакать на одной, случайно находившейся во дворе верховой лошади. Три телефониста и писарь штаба Бушуев (чердынец) были захвачены белыми.

На рассвете мы оставили Коробову и, с боем вырвавшись из окружения, отошли в деревню Карпушенки. Здесь тоже было беспокойно. В воздухе беспрерывно гудели артиллерийские снаряды, из соседней деревни белые вели ружейный и пулеметный огонь. Сейчас уже невозможно было пить из камского источника воду. Она загрязнена взрывами артиллерийских снарядов...

Противник, пользуясь переброской наших полков из района Юрла — Кудымкар — Купрос в район станции Чепца, без особых трудностей продвинулся за лесную гряду на Вятские земли и устремился на Вятку обходным путем, развивая наступательные действия за овладение Черными Холуницами, Залазнинским, Песковским, Кирсинским и Омутнинским заводами. Наступление армии Колчака развивалось на широком фронте. Наша вторая армия, занимавшая участок фронта справа от Третьей, оставила Воткинск и Сарапул.

Положение Третьей армии становилось все более напряженным. Натиск противника на левый фланг армии, на части Особой бригады усиливался. Он подтягивал сюда многочисленные резервы. Только в боях за овладение Залазнинским заводом и близлежащими от него деревнями действовали три колчаковских полка: Чердынский, Соликамский и Тобольский. Чтобы сорвать планы врага, нанести ему сокрушительный удар, новое командование Третьей армии (командарм С. А. Меженинов) вынуждено было отправить в район Залазны, Кирса, Песковского завода и Черных Холуниц значительные силы. Здесь были сосредоточены 22-й Кизеловский полк, 21-й Мусульманский, 10-й Московский, 1-й Северный кавалерийский полк, 61-й Рыбинский полк, Путиловский кавалерийский полк, 2-й кавалерийский полк.

На самом Севере находился только Особый экспедиционный отряд, других частей Красной Армии там не было.

10 апреля по приказу командующего Третьей Армией Верхнекамский полк шел на новый участок фронта, в район Залазны. Приказом по полку от 15-го апреля предлагалось первому батальону занять позицию в деревнях Зареневская, Реневская, Тараканы; второму батальону — линию деревень Тимницы, Аникинцы и Киршата; штабу полка разместиться в Омутнинском заводе.

В 1919 году раньше обычного наступило весеннее потепление. Гололедица, особенно в утренние заморозки, затрудняла передвижение по дорогам. Но до новых позиций было уже не далеко. Хорошо видна Залазнинская церковь. А деревня Аникинцы, которую приказано занять 4-й роте, находится в семи верстах западнее Залазны. Из Залазны доносился назойливый гул колокольного звона. Это попы извещали о захвате ее белой армией.

Навстречу верхнекамцам попадались отступающие конники Северного кавалерийского полка. Они шли пешком, а тощих, поминутно скользящих лошадей с изношенными подковами гнали перед собой. Конники Северного кавалерийского полка выдержали труднейшее испытание. В течение месяца, разбившись на полуэскадроны, они сдерживали продвижение противника, ежедневно принимали на себя удары врага, прикрывая отход полков Особой бригады из района Кудымкар — Юрла — Купрос на новые позиции, в район станции Кез-Чепца. Искключительную трудность испытали эскадроны, преграждавшие дорогу частям белой армии, идущим из Юрлинского района на Кирс-Залазну. На этом лесном безлюдном пути не было никакой возможности приобрести фураж для лошадей.

Залазнинский завод оставили не только кавалеристы Северного полка, но и 10-й Московский стрелковый полк. В беспорядке отступающие красноармейцы Московского полка были озлоблены, в разговор с верхнекамскими вступали неохотно. Московский полк сформирован недавно. В командный состав его попали и враждебно настроенные элементы. В результате этого среди красноармейцев появилось недоверие к командованию. Сложной обстановкой воспользовались явные враги Совет-

ской власти, проникшие в ряды красноармейцев. Они подогревали нервозное настроение, грозились в первом же бою пристрелить всех коммунистов. Однажды им удалось спровоцировать красноармейцев отказаться от получения хлеба.

— Овсяный хлеб есть не будем! — кричали они.

По приказу командования 10-й Московский полк после неудачного боя под Залазной был направлен в резерв. Ему было предложено передать 10 пулеметов, большое количество патронов и гранат Верхнекамскому полку. Приказ этот, очевидно, был уже известен всем красноармейцам Московского полка. Некоторые из них без просьб и предложений отдавали верхнекамцам свои патроны и даже винтовки. Верхнекамцы хорошо запаслись оружием. Десять пулеметов — это клад.

Политотделы 29-й стрелковой дивизии и Особой бригады послали в 10-й Московский полк группу коммунистов. Они помогли полковой парторганизации улучшить политмассовую работу среди красноармейцев, ликвидировать вражеские вылазки, повысить боеспособность полка.

Мы разместились в деревнях Тараканы, Аникинцы, Киршата. Деревня Тимята, в полуверсте от Аникинцев, была уже занята белыми. 20 апреля еще с вечера в Залазне назойливо гудел колокольный пасхальный звон. По телеграфным и телефонным проводам во вражеском тылу шла передача приветственных пасхальных телеграмм и приказов о наступлении. Командир 25-го Тобольского полка Борздиловский в телеграмме командиру 1-го Сибирского корпуса изливал неприкрытое подхалимство: «От лица полка, от всего сердца шлю Вашему превосходительству пасхальный привет. Христос воскрес!.. В день праздника любви и правды позвольте принести Вам искренние чувства любви и преданности».

Меньшевики и эсеры, заседавшие в пермском земстве, готовились к приезду в Пермь Колчака.

«...освобожденное теперь население Пермской губернии и возродившееся пермское земство — писали они, — спасение гибнущей родины усматривают только в наличии сильной власти...»

Иностранные организаторы крестового похода против Республики Советов выражали восторг. В союзе креста и винтовки они видели силу. Белогвардейская

газета «Наш Урал» в пасхальном номере опубликовала телеграмму французского премьера, переданную через генерала Жанена.

Тут же была напечатана телеграмма военного министра Англии Черчилля, переданная Колчаку через генерала Нокса. На этот раз Черчилль оказался немногословен:

«Благоволите передать генералу Колчаку,— писал он,— мои искренние поздравления, а также и британского военного министерства по случаю успешного наступления против большевиков».

Следом за крикливыми поздравлениями, затуманивающими умы солдат, передавались приказы о наступлении. И Тобольский полк получил приказ о наступлении на участок Аникинцы — Киршата, с расчетом занять затем станцию Яр.

В ночь на 23 апреля на окраине деревни Аникинцы завязалась перестрелка. Белые перешли в наступление из деревни Тименки. Красноармейцы 4-й роты быстро выбежали из домов. Еще далеко не все успели достичь линии огня, а наш пулеметчик Галазутдин Незамутдинов уже поливал белогвардейские цепи из пулемета, накануне установленного на чердаке бани. Но батальон белых успел сосредоточиться у самой деревни в глубоком овраге, идущем от заболоченного берега реки. Этот овраг врезался в поле. Вероятно, он оказался противнику естественным убежищем. Но противник ошибся. На редкость меткий стрелок Ефрем Собянин устроился на досках между двумя амбарами и без промаха брал на мушку любого беляка, который пытался высунуть голову из оврага. Н. Д. Иконников, С. Д. Горшков и другие, давно уже сдавшие лыжи в обоз, метким огнем закрыли выход белякам из оврага в болото, заперев их в ловушке. Густые цепи врага, раскинувшиеся по полю, редели под нашим ружейным и пулеметным огнем. Бой продолжался восемнадцать часов. В самые напряженные минуты мы пели Интернационал.

О жителях деревни Аникинцы у верхнекамцев остались самые лучшие воспоминания. Во время боя женщины, девушки и подростки под огнем противника, рискуя жизнью, подносили нам на линию огня хлеб, варенную «в мундире» картошку и воду. А вода

была очень нужна не только для утоления жажды, но и для охлаждения пулеметов.

Более жарким этот бой оказался для белых. С наступлением вечера они много раз пытались то броситься в атаку, то оставить овраг и уйти обратно в деревню Тименки, но безуспешно. Мы поливали белых пулеметным и оружейным огнем и забрасывали гранатами. Только в предутреннюю темноту им удалось выбраться из оврага и отступить.

В эту ночь белые наступали и на соседние деревни Епанчиху, Киршата, которая находилась в десяти километрах к востоку от Омутнинского завода. Деревню Киршата им удалось занять. В бою за эту деревню погиб командир 2-й роты Д. А. Панов.

Прошло несколько дней. Враг не рисковал больше совать нос на позиции Верхнекамского полка. Но наступательные операции его на других участках не прекращались. Под непосредственной угрозой оказалась Вятка. Там была начата эвакуация кожзавода, а также разных ценных грузов со складов и баз.

Интервенты и белые ликовали. Старый, толстый, всегда самодовольный французский генерал Жанен, опираясь на массивную палку, ходил по берегу Камы близ Перми и кощунственно тыкал концом палки в разложившиеся тела пленных красноармейцев и рабочих, расстрелянных белыми, и поучал торчащего около него фотокорреспондента:

— Сними этих... и пошли фото в союзные газеты с надписью: «Жертвы красного террора».

5

Положение Республики Советов весной 1919 года было особенно тяжелым. В наступление перешли все силы контрреволюции. Кольцо интервенции сжималось. Армия Колчака заняла Уфу, на юге в Луганске и Донбассе свирепствовал Деникин, Юденич вел наступление на Петроград, вооруженные Антантой белополяки проникли в Литву и Белоруссию, на Севере орудовал генерал Миллер, командовавший войсками американских, английских и французских оккупационных войск.

К нам, на восточный фронт, все чаще и чаще проникали всякие нелепые слухи. Враги революции, а иногда и просто досужие языки болтали о падении Петрограда, Москвы. Но пораженческих настроений среди красноармейцев не было. Не было и паники. Вставать на колени перед белогвардейцами и интервентами никто не собирался. Нельзя было сидеть сложа руки. Кто-то из верхнекамцев внес предложение — создать многочисленный сильный партизанский отряд и двинуться в тыл белой армии, освободить Урал, овладеть заводами Урала и организовать на них производство оружия, поднять рабочих и крестьян на партизанскую войну, на разгром всей колчаковии. Предложение это оказалось настолько заманчивым и популярным, что оно очень быстро проникло в соседние полки. Из них ежедневно приходили к верхнекамцам отдельные красноармейцы и делегации и выражали свое полное согласие вступить в партизанский отряд. Выясняли практические вопросы и время выхода отряда в тыл противника. Обошлось без похода. Эта крайняя мера, к счастью, не потребовалась.

Новое наступление армии Колчака создало серьезную угрозу молодой Республике Советов и Социалистической революции. Партия большевиков еще раз указала на решающее значение Восточного фронта. Много бессонных ночей провел у прямого провода В. И. Ленин.

По зову партии и правительства на Восточный фронт шли тысячи большевиков, добровольцев и мобилизованных беспартийных рабочих и крестьян, юношей городов и деревень. Новые пополнения пришли и в Третью армию.

Большую работу по укреплению частей Красной Армии провела Вятская губернская парторганизация. Еще 16 апреля 1919 года состоялось объединенное совещание представителей вятских губернских и местных партийных, советских, профсоюзных и других организаций. Было предложено мобилизовать и направить на фронт половину состава партийных организаций. Социалистическому союзу молодежи — всех добровольцев, способных носить оружие. Профсоюзные организации провели мобилизацию членов профсоюзов. Всем коммунистам и членам Советов, прибывшим в

Вятскую губернию в порядке эвакуации, но не работающим, также было предложено отправиться на фронт.

В. И. Ленин ставил вопрос с присущей ему прямо-той и настойчивостью. «Если мы до зимы,— говорил он,— не завоюем Урал, то я считаю гибель революции неизбежной». Он требовал всемерного укрепления Восточного фронта, посылки новых пополнений.

6

Силы Красной армии нарастали. Но и враг усиливал свои наступательные действия. Большие сражения развернулись в районе города Глазова. Верхнекамский полк по приказу командования направился туда. В районе Залазны и Омутнинского завода остались два полка — 22-й Кизеловский (резерв в Омутнинске) и Волынский.

В боях под Глазовом верхнекамцы проявили исключительную храбрость. Даже небольшие группы бесстрашных красноармейцев забрасывали гранатами бронепоезда противника. Но ценою больших потерь белым все же удалось занять город. Бои продолжались в деревнях близ Глазова. Верхнекамцы выбили белых из деревни Золотаревки, имеющей стратегическое значение, но в окрестностях села Понинского полк попал в окружение больших вражеских сил.

Верхнекамцы не дрогнули и на этот раз. С помощью других частей они вырвались из окружения.

Недолго находились белые в Глазове — всего десять дней.

Общими усилиями полков Красной Армии Глазов был вырван из вражеских рук, войска белых обращены в бегство.

Здесь, на вятских землях, в районе небольшого города, было навсегда остановлено продвижение белой армии. Начался стремительный, победоносный поход полков и дивизий Красной Армии за освобождение Урала и Сибири, за полный разгром и уничтожение армии Колчака, за ликвидацию на Урале и в Сибири сил интервенции и внутренней контрреволюции.

Широко развернулось контрнаступление и на юж-

ную группу Колчака на Восточном фронте, начатое еще в первых числах апреля под командованием М. В. Фрунзе.

Армия Колчака покатила на восток. Верхнекамцы снова направились в район Залазинского завода. В Залазне уже не гудели церковные колокола, по улицам завода не бродили белые солдаты и самодовольные офицеры. 22-й Кизеловский полк и другие части загнали их в афанасьевские леса.

Все полки нашего левого фланга, в том числе и Особый экспедиционный отряд вели стремительное наступление. Оно развертывалось с нарастающей силой. Верхнекамцы шли дальше, в направлении сел Афанасьевское, Верхнекамское, Гординское.

В районе деревень Корабли—Сергино белые пытались оказать сопротивление. Они сосредоточили здесь большие силы и, пользуясь разрывами между частями наших войск на флангах, перешли в контрнаступление. Белые яростно пытались принудить верхнекамцев отступить назад. Бой шел несколько дней. Вынужденный снова отступить враг сделал очередную попытку задержаться в селе Суб-Сива. Первой же атакой верхнекамцы опрокинули противника и принудили к бегству. Еще в начале атаки красноармейцы наблюдали необычную для боя картину: ворвавшийся в село одним из первых красноармеец поясным ремнем порет беляка. Все удивились — избиение пленных строго запрещено. Командир взвода спрашивает:

— В чем дело?!

— Так его и надо! — отвечает рассвирепевший красноармеец.

А пленный кричит:

— Илюха, не надо, прости, Илюха! Меня силой забрали.

Оказалось, что Илюха взял в плен своего младшего брата. Сразу же после порки тот присоединился к нашей цепи и открыл огонь по белым. Бой продолжался. Враг не выдержал. Мы вынудили его к новому бегству. Через несколько дней уже знакомые села Юрла, Белоево, Кудымкар оказались позади нас. Полк приближался к селу Богородское.

Белые отступали...

Но Колчак еще располагал большими резервами

на фронте и в тылу. Многочисленные карательные отряды рыскали по Уралу и Сибири, дотла сжигали села и деревни. В резерве находились специальные офицерские и казачьи полки, полки Иисуса Христа. Почти все они были брошены на фронт, в бой.

Большие надежды Колчак возлагал на камскую флотилию. В районе Перми было сосредоточено более 50 боевых пароходов и барж, пловучих батарей. Команды пароходов «Суффолк» и «Кент» были укомплектованы исключительно английскими офицерами и матросами. Но никакие силы уже не могли задержать победоносного шествия полков Красной Армии. Вражеский флот был разбит.

Кончились золотые денечки в главной ставке «верховного правителя». Красная Армия наносила по врагу удар за ударом, безостановочно теснила его.

Колчак с усиленной личной охраной выехал на Уральский фронт. Он побывал в Златоусте, Челябинске, Екатеринбурге. Здесь, в промышленных районах, Колчак искал «крамолу», причину неудач и поражений белой армии. Он надеялся также найти здесь и пополнение для фронта. Еще в первые дни после объявления себя «верховным правителем» Колчак усмотрел, что в составе чехословацкого корпуса есть немало неугодных ему солдат и офицеров. Поэтому еще осенью 1918 года, после упорных боев под Тагилом, в которых белочехи понесли большие потери, Колчак по договоренности с французским генералом Жаненом снял с передовой линии Уральского фронта всех чешских солдат. Колчак и Жанен возложили на них охрану железнодорожных линий и операции в тылу. Дивизии, полки, батальоны, роты, отряды и заставы Чехословацкого корпуса были расквартированы в городах, на железнодорожных станциях, в рабочих поселках, селах, деревнях, распылены по всей железнодорожной магистрали на многие тысячи километров от Урала до Забайкалья. Такое разобщение корпуса по замыслам Колчака и Жанена должно было оградить солдат от большевистской агитации и пропаганды и сделать их покорными. Однако, когда белая армия быстро покатилась на восток, Колчак хотел снова послать всех чешских солдат на передовую линию фронта. Но белочешский полк, еще с осени находившийся в Екатерин-

бурге (ныне Свердловске), отправиться на фронт отказался.

7

После короткого привала в Средне-Егвинском верхнекамцы вплотную подошли к большому селу Богородское. На рассвете на мельнице они захватили двух белоказаков, которые рассказали, что в селе находится белоказачий полк, насчитывающий не менее тысячи сабель. Долго думать было некогда. Верхнекамцы нанесли по полку внезапный удар. Белоказаки, оказав слабое сопротивление, отступили. Казалось, что опасность селу больше не угрожает.

Стоял жаркий июньский день. Красноармейцы выстирали в речке белье и просоленные от пота гимнастерки. На заборах, на изгороди сохли брюки, тельные рубахи, полотенца. После длительного похода неудержимо тянуло ко сну. В избах, сенках, на сеновалах и просто на земле под рябинами и черемухами красноармейцы крепко спали. Дремали и часовые на постах. На ржаных полях, опоясавших село, то мелкой рябью, то крупными волнами колыхалась высокая рожь.

Пулеметчик Эдуард Рик лежал на сеновале и, превозмогая сон, всматривался в поле, думал: «Хороша рожь. Ее еще при нас сеяли, до отступления с Урала». Промелькнула беспокойная мысль: «Ветерок не велик, а рожь треплет. Не белые ли крадутся. Наступают. Нет. Она, рожь, всегда...» Мысль оборвалась. Рик заснул. На восточной стороне, в двухстах метрах от села находились большие каменные общественные амбары. Верхнекамцы спали, а белоказаки в это время на конях скапливались за амбарами, цепи пеших ползли по ржи. Затем и конники и пешие яростно бросились на село и ворвались в него. Завязалась схватка.

Рик проснулся. Он прыгнул с сеновала, добежал до пулемета и, укрывшись под обрывом крутого берега реки, крошил из пулемета врагов до последнего патрона. Когда патронов не стало, с силой швырнул пулемет в речку.

Разъединенные противником взводы и роты верхнекамцев покидали село. Уходили в разных направле-